

УДК 008:796.011

СПОРТ В КОНТЕКСТЕ НОВАЦИЙ

SPORT IN THE CONTEXT OF INNOVATIONS

©Егоров А. Г.

д-р филос. наук

Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия, ag-egorov@yandex.ru

©Егоров А.

Dr. habil., Smolensk State University
Smolensk, Russia, ag-egorov@yandex.ru

©Пегов В. А.

канд. пед. наук

Смоленская государственная академия
физической культуры, спорта и туризма
г. Смоленск, Россия, pegwlad@rambler.ru

©Pegov V.

Ph.D., Smolensk State Academy of
Physical Culture, Sport and Tourism
Smolensk, Russia, pegwlad@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен критический взгляд на спорт как феномен Нового времени. Такое представление актуально в связи с усиливающимися попытками придать спортивной деятельности педагогический характер, решать посредством спорта задачи воспитания и образования подрастающего поколения. Один из доводов для обоснования данных попыток — инновационность спорта. В связи с этим была сделана попытка рассмотреть спортивную практику в контексте новаций. Во-первых, было показано, что прогресс и новации становятся ведущими мотивами эволюции человечества только с началом Нового времени. Это также время рождения спорта как современного социального феномена. Во-вторых, стремление к новациям постепенно оказалось сопряженным с осуществлением противоположного по сути импульса — стандартизацией и нормированием, которые сначала определили производственную сферу, а затем проникли и в другие сферы человеческой жизни, в частности, в образование и спорт. В-третьих, осуществление новаций в спорте пошло по пути, который порождает серьезные проблемы. С одной стороны, это конкуренция технического оборудования и инвентаря, когда человек во все большей степени становится лишь их придатком («технические новации»). С другой стороны, достижение высоких результатов во многих видах спорта происходит за счет применения допинга («химические новации»). Проведенный анализ закономерно приводит к вопросу о перспективах дальнейших новаций в спортивной практике, когда в XIX в. по отношению к телу и телесности человека был установлен ограничивающий предикат «физическая(ое)» («физическая культура», «физическое воспитание» и т. п.), и когда достижение максимально возможного результата становится единственной целью.

Abstract. The article presents a critical view of sport as a phenomenon of the New time. Such a representation is important due to the increasing attempts to give the sports activities of a pedagogical nature, to solve through sport objectives of upbringing and education of the younger

generation. One of the arguments for justification of these attempts, the innovation of the sport. In this regard, an attempt has been made to examine sport practices in the context of innovations. First, it was shown that progress and innovations are the leading motives of human evolution only the beginning of a New time. This is also the time of the birth of sport as a contemporary social phenomenon. Secondly, the pursuit of innovation has gradually been associated with the implementation of conflicting impulse — standardization, which first identified the manufacturing sector and later spread to other spheres of human life, particularly in education and sports. Third, the implementation of innovations in sport has gone the way, which creates serious problems. On the one hand, it is a competition of technical equipment and inventory, when a person increasingly becomes only an appendage (“technical innovations”). On the other hand, achieving good results in many sports is due to the doping (“chemical innovation”). The analysis naturally leads to the question about future innovations in sports practice, when in the XIX century in relation to the body and corporeality of the man was set restricting predicate “physical” (“physical culture” “physical education”, etc.), and when achievement of the maximum possible result is the only goal.

Ключевые слова: спорт, новация, индустриализация, стандартизация, нормирование, тело, телесность.

Keywords: sport, innovation, industrialization, standardization, norm, body, corporeality.

Прогресс и новации

Понятия «прогресс» и «новация», как и понятие «спорт», в полной мере являются порождением Нового времени, того качества душевной конфигурации человека, которое становится доминирующим 500–600 лет назад. Понимание человеческой эволюции как направленного, линейного процесса, движения вперед (что буквально и означает слово «прогресс») исторически происходило в три шага.

Для людей доцивилизационного периода вообще характерно отсутствие понятия времени. В знаменитом исследовании индейцев пираха Д. Л. Эверет показал, что у них нет представлений о прошлом и будущем, они живут только актуальным настоящим [1].

В цивилизационный период время переживается и представляется как *циклический* процесс. Великий средневековый ученый и историк из Центральной Азии аль-Бируни при попытке написать историю Индии сетовал на безответственное и небрежное отношение индийцев к хронологии, их легкомысленность к *последовательности* событий [2]. Отголоски нелинейного восприятия времени до сих пор можно обнаружить и в русском языке. Так само слово «*время*» является однокоренным со словами «*вертеть*», «*вращать*», а слова «*начало*» и «*конец*», которые сейчас мыслятся, как антонимы, но при этом являются однокоренными, происходя от корня *кон*-. Начало и конец могут быть одним и тем же только в том случае, когда начальная и конечная точки находятся на окружности.

«*Выпрямление*» времени происходит впервые в представлениях древних иудеев, где четко обозначен момент творения мира и человека в прошлом, настоящее состояние человечества и богоизбранного народа, и грядущее, достижимое с приходом Мессии. Достижение всемирного благоденствия связано с божественной милостью, при этом богоизбранный народ должен соблюдать заключенный с Богом завет, то есть следовать тому, что было дано в прошлом.

Совершенно новая идея «*развития*» проклевывается на повороте времен и связана она с Новым Заветом и деяниями Христа. Несмотря на то, что греческое название православной церкви, утвердившееся на Западе, — *ортодоксальная*, — несет в себе коннотацию догматизма и традиционализма, тем не менее, именно православные философы в XIX в.

обращали внимание на идею развития и эволюции в христианстве на фоне растущего атеизма и популярности эволюционной идеи Ч. Дарвина. Лев Тихомиров, сам прошедший через серьезную личностную метаморфозу от народовольца до монархиста, в своем произведении «Христианство и политика» писал: «Христианская идея, повторю, существенно эволюционна. По этому поводу было и происходит немало споров на почве различия между терминами «развитие» (эволюционная идея) и «раскрытие» (христианская идея). В действительности тут лишь разница оттенков терминологии.

Для того чтобы «раскрыться», нужно «развиться», и развиваться тоже нельзя из ничего, а можно лишь из некоторого зародыша, существовавшего в прежнем процессе. Оставляя спор о терминах, нельзя не видеть, что вся мировая жизнь, от сотворения до конца ее, по христианскому мировоззрению представляет некоторый сложный процесс развития. В нем действуют и борются силы добра и зла в комбинациях тем более сложных, что в процесс эволюции привходят не одни земные силы, а также силы Неба и преисподней. Содержание этого процесса, поэтому, не совпадает с тем, какое в него вкладывают наши «истории культуры». Но содержание этих последних не отрицается и не исключается христианской философией, а лишь признается недостаточно исчерпывающим жизнь мира.

Таким образом, на практической почве общественной деятельности христианское воспитание и проповедь могут идти и идут вполне об руку со всеми здоровыми культурными задачами» [3, с. 156].

Другой русский философ В. Ф. Эрн в статье «Идея катастрофического прогресса» писал, что не просветители XVIII в., а христиане I в. являются творцами идеи прогресса. Он также отмечает, что прогресс носит эсхатологический характер: «Для христиан будущее — не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов» [4, с. 218].

Здесь, в контексте нашей статьи, мы можем распознать и конкретизировать три действительно совершенно новые идеи, привнесенные христианством, но которые еще требуют своего осуществления:

1. Собственно идея «*индивидуального развития*» человека, связанная уже не только с накоплением добродетелей (Г. П. Щедровицкий правильно обратил внимание на то, что накопление само по себе структуры не имеет [5]), но и *преобразованием, метаморфозой* наличных качеств человека в те, которые требует будущее. Здесь возникает и новая морфология, и новая структура. Иоанн Креститель до, а Иисус Христос после крещения в Иордане обращаются к людям с призывом «Метанойе!» — «*Измени свой способ мышления*». Под давлением ветхозаветных традиций оно в дальнейшем видоизменилось (редуцировало) в призыв «Кайтесь!», что имело определяющие последствия для европейской, христианской педагогики вплоть до наших времен [6].

2. Идея «*общечеловеческого*», как преодоление узости народного и «особо избранного». Известный спор между представителем ветхозаветных традиций Апостолом Петром и прошедшим через духовную метаморфозу Апостолом Павлом, глашатаем импульсов, идущих из будущего, — нести Евангелие язычникам или нет, — разрешился тогда в пользу радикально новой идеи. Но только во второй половине XX в. эта идея становится культурной нормой.

3. Идея «*любви*» как метаморфоза идеи «*мудрости*». Классическим примером господства мудрости является «Книга Притчей Соломоновых»: «Главное — мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум» (4:7). Ветхозаветное настроение еще долгое время сопутствует становлению христианства. В средние века оно по-прежнему интенсивно присутствует в умах ученых мужей. «Дидакаликон. Об искусстве

обучения» Гуго Сент–Викторского так и начинается с прославления мудрости и обозначения главной задачи обучения: «Мудрость является первой из всего, к чему необходимо стремиться, в Ней пребывает Образ совершенного Блага ... в обучении мы восстанавливаемся, если действительно мы познаем нашу природу и если мы научимся не искать во вне то, что мы можем найти внутри нас. Самое большое утешение в жизни, это познание Мудрости» [7, с. 10, 12]. И совершенно иной мотив жизни задается словами Христа, сказанными во время Тайной вечери: «12 Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Иоан. 15, 12). Отметим, что в патетической «Оде спорту!» П. де Кубертена, которая является своего рода религиозным гимном (основатель современных Олимпийских игр рассматривал спорт, в том числе, как новую мировую религию: «Моя концепция спорта всегда сильно отличалась от концепции большинства спортсменов. Что до меня, спорт был *религией, догмой, культом*» (здесь и далее выделено нами. — Е. А., П. В.) (Кубертен П. де Олимпийские мемуары. М.: Рид Групп, 2011. 176 с., с. 75), есть много чего и о чем, кроме любви (Coubertin, de P. Ode au Sport / P. de Coubertin. Режим доступа: http://olympic-museum.de/art/ode_au_sport.htm). Соответственно, и в основополагающих принципах «Олимпийской хартии», кроме кубертеновской тональности, даже нет упоминания об общечеловеческом идеале (Олимпийская хартия. Lausanne: Comité International Olympique, 2015. 51 с.).

Таким образом, христианство Христа задает конкретику направления *развития всего человечества* посредством метаморфозы характера мышления каждой человеческой *индивидуальности* для достижения в будущем эпохи *любви*. С этой перспективы важно в дальнейшем посмотреть на попытки включить спортивную (=олимпийскую) практику в перечень социальных явлений, следующих духу гуманизма, который привычно соотносится с идеей прогресса.

Родоначальником научного понятия «*прогресс*» является французский математик и политический деятель Николя де Кондорсе. Примечательно его движение к этому понятию. Путь ученого начался с математики работой «Эссе об интегральном исчислении». Он и дальше в своей жизни придерживался математического образа мысли, неся в себе при этом определенную противоречивость. Его старший товарищ математик Д'Аламбер сетовал на то, что тот, обладая сильным умом и талантом, не утруждает себя доведением до точности и ясности свои научные труды [8].

Как известно, интегральное исчисление имеет дело, во-первых, с *целостностью*, не сводимой к сумме (само понятие интеграл должно как раз на это указывать, хотя его символ есть видоизмененная S — “summa”). Во-вторых, с *пределом*. В случае определенного интегрирования его результатом является некое число, в обобщениях — бесконечность. Другими словами, предел не достижим, но реален. Примечательно также, что интегрирование, в отличие от дифференцирования, рассматривалось как *искусство*.

Еще одним важным аспектом деятельности Н. де Кондорсе как мыслителя и ученого–математика было применение впервые в истории математических методов к общественным наукам, исследовавшим социальные явления. Помня о его стремлении к справедливости с юных лет, важной характеристикой его образа мыслей была попытка достижения социальной справедливости с помощью математики.

Итак, в своей работе «*Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*» Н. де Кондорсе писал вполне в духе своего образа мыслей: «Эти наблюдения над тем, чем человек был и чем он стал теперь, помогут нам затем найти средства для обеспечения и ускорения новых преуспеваний, на которые человеческая природа позволяет ему еще надеяться.

Такова цель предпринятого мною труда, результатом которого будет показать, путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакой границы в развитии человеческих способностей; что способность человека совершенствоваться действительно не определима, что дальнейшие его шаги на пути к самоусовершенствованию отныне не зависят от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, и путь этот окончится только с прекращением существования нашей планеты. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда человечество не пойдет вспять — по крайней мере, до тех пор, пока земля будет занимать то же самое место в мировой системе, и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни таких изменений, которые не позволили бы человеческому роду на нем сохраняться, применять свои способности и находить источники существования» [9, с. 5–6].

Направление мысли Н. де Кондорсе не является исходной точкой. Сейчас уже совершенно очевидно, что импульс к рождению нового человека, нового уровня сознания и мышления обнаруживается в XV–XVI вв., то есть на рубеже перехода от эпохи Возрождения (позднего Средневековья) к Новому времени. Сам предикат «новое» недвусмысленно указывает не только на то, что произошло нечто, не имеющее аналогов в прошлом, но что само «новое» становится определяющей ценностью и целью всего человечества.

Показательна в связи с этим судьба Леонардо да Винчи. Его современный биограф указывает на такой примечательный факт. Люди и до Леонардо да Винчи любили читать биографии великих людей, но это были биографии императоров и королей, пап римских и святых, врачей и художников. Но не было ни одной биографии изобретателя. Если в первом своем резюме молодой Леонардо да Винчи представлял себя как музыканта (в этом он тоже был виртуозен), то в зрелые годы для него значимым становится обозначать себя в качестве именно *изобретателя*.

Но каков путь изобретения, новации в Новое время? Суть его очень четко проявлена в *разделении* и *дифференциации*. Наиболее ярко *разделение* заявляет о себе в процессе анатомирования трупов — практика, которая становится затем нормой мышления и познания («*скальпель разума*» [10]). А *дифференцирование* — это понятие, одновременно обозначающее и математическую операцию, и процессы, происходящие при эмбриональном развитии. Здесь Леонардо да Винчи выражается категорически и директивно: «Пусть не читает меня в основаниях моих тот, кто не математик» [11, с. 105] (можно было бы здесь легко обнаружить парафраз «слогану» платоновской академии «Да не войдет сюда негеометр», если не понимать, что и то, и другое изречения звучат из разных душевных конфигураций). Ибо математика Леонардо да Винчи, опирающаяся на практику анатомирования трупов, приводит к одной из самых любимых его моделей — летательному аппарату, о котором древние греки таким способом даже и не мечтали: «Птица — действующий по математическим законам инструмент, сделать который в человеческой власти со всеми движениями его, но не со столькими же возможностями; но имеет перевес она только в отношении возможности поддержать равновесие. Поэтому скажем, что этому построенному человеком инструменту не хватает лишь души птицы, которая должна быть скопирована с души человека» [11, с. 181].

Есть определенная проблема с жестами разделения, разъятия, дифференциации, захватившими умы людей Нового времени. В Средние века ведущие мыслители Европы были озабочены проблемой *универсалий*, но отнюдь не частных и деталей. Современному человеку чрезвычайно трудно понять, почему только в XV в., хотя все исходные технические условия к этому моменту уже давно были созданы, изобретатель книгопечатания И. Гуттенберг разделил целостные слова на литеры и привел их в движение. С нынешней позиции это кажется вроде бы настолько банальным и *очевидным*, что легко удивляться

тому, насколько «слепы» были люди в прошлом. Но мы должны на это смотреть не с высоты современного интеллектуального снобизма, а пытаться понять феномен душевной жизни людей средневековья. Со средневековой позиции иерархического устройства Универсума, Макрокосмоса нижние (дольные) уровни занимают подчиненное положение по отношению к высшим (горним). Уничжительное состояние части по отношению к целому, известная идиома, вызревшая к XIX в. «Дьявол кроется в мелочах», греховность материального — все это отворачивало познавательный взор от деталей в то время как медитация об универсальном наполняла душу благоговейным и благодетным настроением.

Душевная конституция человечества должна была дозреть до того, что произошло на рубеже XV–XVI вв., который обоснованно характеризуют, как переломный в истории человечества. Но из духовного умонастроения универсалий и душевного настроения благоговения к целому не может родиться напрямую анатомирующее мышление и атомарное переживание мира и человека. Значит, импульс к формированию «скальпеля разума» нужно искать не на путях схоластики, а в ином культурно–географическом месте.

Одно из возможных объяснений состоит в следующем. То, что мы наблюдаем по отношению к XV–XVI вв. и затем оформившимся в эпоху Просвещения XVIII в., обнаруживает свой прообраз не в средневековой Европе, а в так называемом «арабском Просвещении». Хотя прилагательное «арабское» требует серьезного пояснения. Во-первых, на существенное сходство образа мысли Ф. Бэкона и следовавших за ним естествоиспытатель с ключевыми характеристиками арабской учености IX–XII вв., обратил внимание в начале XX в. Р. Штайнер. Его последователь К. Свасьян в книге «Становление европейской науки» аргументировал это уже опираясь на более современные исследования: «Гондишапур — колыбель европейской науки. Речь идет не о феномене научной одаренности арабов, который и по сегодняшней день не перестает восхищать историков науки, привыкших оценивать мысль мерками патентного бюро или спортивного события: *кто первый*; речь идет о качественности и историко–симптоматологической значимости этого феномена. В конце концов, все упирается в вопрос: можем ли мы понять, наконец, что в контексте судеб мира апеллировать к голой научной одаренности, как к конечной инстанции, особенно в свете последних десятилетий, когда эта одаренность обернулась неслыханно самодеятельной апокалиптической и лихими перспективами планетарного самоубийства, значит культивировать в себе разом все признаки душевной и умственной невменяемости. Гондишапур в этом отношении предстает не только колыбелью нашей научности, но и ее сегодняшним днем; гигантская тень его прокинута в современность, и если что-либо ускользает от внимания современности, так это в первую очередь призрачный теневой ее характер; слишком много восторга уделили мы науке и слишком мало понимания; в тени осталось именно понимание» [12, с. 90].

Во-вторых, различными авторами было показано, что за арабскими именами (практика, утвердившаяся в результате арабско–исламской экспансии в VII–IX вв.) скрываются ученые с иранскими и центрально–азиатскими корнями. Именно этот факт объясняет необъяснимый уровень не просто образованности, а учености у пастухов Аравийской пустыни, случившийся у них после создания огромного халифата от границ Франции и Испании до реки Инд. Предшествующая тысячелетняя культурная традиция и образованность населения территорий Междуречья, Ирана (Персии) и Центральной Азии, приход туда с запада эллинизма благодаря походам Александра Македонского, интенсивные религиозные, культурные и торговые связи с Индией и Китаем на востоке, привели к тому, что здесь, а не в Аравии, например, в V в. возникает крупнейший медицинский и переводческий центр — академия Гондишапура. Именно сюда, например, приходят последние семь афинских философов, изгнанных антиэллинистическими эдиктами императора Юстиниана.

В работах современных исследователей, посвященных VIII–XII вв. — времени расцвета «арабской» науки — звучит постоянный рефрен — «такое-то научное или техническое достижение арабов опередило аналогичное европейское на 500–700 лет». Другими словами, временная отсылка дается как раз к началу Нового времени и становлению европейского Просвещения. Понятно, что постановка научных вопросов, научные открытия и технические изобретения у «арабов» того времени требовали такого уровня развития сознания и мышления, который впервые обнаруживается в Европе только у Леонардо да Винчи, Ф. Бэкона, Н. Коперника, Г. Галилео и др. Можно лишь предполагать, какого бы уровня сейчас достиг арабский мир в смысле научно–технического прогресса, если бы все это не было остановлено в XII в.

Итак, с одной стороны, догматизм ислама, фундаментализм мусульманских традиционалистов остановил это движение мысли достаточно жестко. Два важнейших утверждения ислама — слова Аллаха Мухаммаду «Сегодня Я завершил (ниспослание) вам вашей религии, довел до конца Мою милость и одобрил для вас в качестве религии ислам» (Сура 5:3), «бойтесь Меня, чтобы Я завершил Мою милость к вам» (Сура 2:150), «Воистину, Мы даровали тебе явную победу, дабы Аллах простил тебе грехи, которые случились прежде и которые будут впоследствии, дабы Он завершил Свою милость к тебе» (Сура 48:1,2) и слова Его о пророке: «Мухаммад — не отец кого-либо из ваших мужей, а только Посланник Аллаха и печать пророков» (Сура 33:40) — не только не содержат никакого посылки к развитию человечества, но и категорично обозначают его окончание и завершенность. Незатейливая логика ответа второго халифа Омара, когда его спросили, что делать с александрийской библиотекой — «Если книги этой библиотеки согласны с Кораном, то они бесполезны и сохранять их не для чего. В противном же случае, они вредны, и их следует уничтожить», — отсекает всякую возможность научного познания.

Можно себе представить, что нечто подобное могло бы произойти и в средневековой Европе. Еще раз обратимся к наставлениям XII в. Гуго Сент–Викторского в главе V. «О происхождении теории, практики и механики» его «Дидаскаликона», где не только в самом названии главы четко обозначена иерархия человеческих практик, но и в который раз обозначается цель воспитания человека: «В человеческих действиях или исследованиях, какими управляет Мудрость, цель и намерение должны направляться на *восстановления целостности нашей природы и устранение изъянов*, свидетельствующих о слабости, какой подвержена по необходимости наша жизнь. Я постараюсь выразить яснее то, что сказал: в человеке пребывает две реальности: добро и зло, природа и порок. Добро, поскольку является природой, поскольку природа повреждена и умалена, должно быть восстановлено упражнением. Зло, поскольку оно есть порок, поскольку есть повреждение и не есть природа, должно быть изгнано» [7, с. 17–18]. «Восстановление» и «изгнание» — не те понятия, которые ведут к развитию, метаморфозе, прогрессу.

С другой стороны, вполне резонным является вопрос: если сейчас современное человечество с современным уровнем сознания, с идеями гуманизма, ценностями отдельной человеческой жизни, сохранения экологии Земли и проч. не справляется с темпом появления новаций и последствиями их внедрения в повседневную жизнь, то к чему бы мог привести «арабский» научно–технический прогресс с тогдашними средневековыми представлениями о богоугодности и священности войн, рабства, зависимого положения женщин, нормальности пыток, убийств и проч.?

Новации и стандартизация, прогресс и нормирование

Представители методологической школы Г. П. Щедровицкого делают важное указание: «Появление галилеевской науки и естественнонаучного подхода может рефлексивно

трактоваться как своего рода глобальная инновация в истории мысли» [13, с. 18]. Сам Г. П. Щедровицкий в историческом обзоре развития понятия «рефлексии» обращает внимание на еще один важный аспект: «Именно в XVI и XVII столетиях появились такие мыслители, которые произвели упрощение мышления, созданного до того, и приспособили его нуждам очень примитивной тогда инженерии и обслуживающего ее знания. Проблематика знаний, смыслов, значений, знаков, техники мышления, которой занимались ведущие мыслители предшествующих столетий, была теперь отброшена и даже забыта. Именно поэтому нашей культуре приходится сейчас, в середине XX столетия, как бы начинать всю работу заново, возвращаясь к тем задачам и проблемам, которые обсуждались в Средние века» [5, с. 70].

Если Г. П. Щедровицкий в последней трети XX в. мог сослаться на уже достаточно большой критический опыт исследователей науки и утверждать, что «... естественнаучное, натуралистическое мышление в известном смысле себя исчерпало» [5, с. 70], то подобное утверждение, сделанное в начале XX в. на фоне стремительного и победного шествия естествознания, звучало как некий вызов идеи прогресса. Тем не менее, во многих своих работах Р. Штайнер критически и, главное, аргументированно высказывался относительно господствующего способа познания мира [14–17]. Но при всей своей критике (в отличие от Г. П. Щедровицкого и других методологов), он, во-первых, четко показал какие качества современного человека были пробуждены и сформированы необходимым с эволюционной точки зрения образом благодаря естествознанию. Во-вторых, Р. Штайнер предложил теорию познания и методологию, которые являются не отрицанием («исчерпанием» по Г. П. Щедровицкому), а развитием, метаморфозой естественнаучного мышления. Один из ключевых его трудов — «Философия свободы» — имеет подзаголовок, который максимально осознанно был внесен в название книги: «Основные черты современного мировоззрения. Плоды душевных наблюдений по естественнаучному методу» [14].

Новое качество душевной конфигурации человека Нового времени задавалось новым уровнем *пробужденности сознания и самосознания, рефлексии и саморефлексии*, что позволяло, в отличие от прошлых эпох, уже в настоящем прозревать обращенность содеянного в будущее, его включенность в эволюционный процесс. Поэтому не только постфактум мы, как современные люди, можем говорить о новации научного метода, созданного Ф. Бэконом и Г. Галилеем, но и они сами могли это заявить вполне осознанно. Причем этот шаг воспринимался не как отдельный исторический эпизод, а как то, что сейчас обозначается понятием «*мировой тренд*». Ф. Бэкон не только создает «Новый орган наук» [18] (метод познания, который сейчас некорректно с научной точки зрения является синонимом вообще «*научному методу*»), противопоставляя его старому органону Аристотеля, но и пишет «Новую Атлантиду» [19], своего рода альтернативу «Государству» Платона и «Политике» того же Аристотеля. Если у древнегреческих философов во главе государства находятся мудрецы–философы (Платон) или зажиточные граждане (Аристотель), то у родоначальника экспериментального метода исследования главенствует Общество ученых, которое представляет собой первую *научно–промышленную организацию* в истории человечества, нашедшее свое полное воплощение после окончания II-й Мировой войны в Thing Tanks. Общество ученых, как научно–промышленная организация, есть своего нововременной синтез платоновских мудрецов и аристотелевских зажиточных граждан.

Еще одним важным отличием мировоззрения Ф. Бэкона от античной и средневековой традиции явилось то, что знание было силой–властью не только в социальном устройстве человеческой жизни, но эта сила была направлена на другое творение Бога — Природу. Данная мысль провозглашается как важнейшая составляющая перспективы человеческого прогресса в «Новой Атлантиде»: «... познание причин и скрытых сил всех вещей и

расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [19, с. 17].

Наконец, существенно то качество разума, которое он должен был приобрести в результате нового способа познания: «... человеческому разуму надо придать не крылья, а скорее свинец и тяжести, чтобы сдерживали всякий прыжок и полет» [18, с. 83]. Такая заземленность, обращенность в сторону материального позволила не только интенсивно познавать физическую часть действительности, но и сотворить еще один материальный мир в дополнение к природному — мир техники.

Опытная наука создала ту ситуацию закольцованности (сейчас можно уже говорить и оценочно — «порочного круга»), в которую попало нынешнее человечество и которую оптимистично обозначают фразой «*вечный прогресс*»: «Для критически мыслящего ученого соотнесение созданных им конструкций с «опытом» всегда приводило к одному и тому же результату: к выяснению, что его конструкции не соответствуют объекту ... Это обстоятельство заставляло ученого развивать его конструкции в надежде привести их в соответствие с опытом. Создав новую конструкцию, он опять соотносил ее с опытом и вновь неизменно убеждался, ... что она не соответствует опыту; это заставляло его вновь развивать конструкцию и т. д. и т. п. Таким образом, в плоскости «опыта» ... естественная, или «опытная», наука приобрела постоянный, неизменно действующий источник развития. Благодаря этому наука, замкнутая на «опыт», стала относительно самостоятельным и замкнутым организмом, имеющим внутри себя основания и источники самодвижения.

... ученые получили некоторое основание, которое теперь заставляло их *непрерывно бежать вперед*. В известном смысле это стало одним из важных факторов прогресса» [18, с. 75]. И если Ф. Бэкон мало кем был понят в свои времена, когда он написал «Мы не хватаем по-детски золотые яблоки, но все возлагаем на победу науки в беге над природой (*outstrip nature*) ...» (или другой вариант перевода: «Итак, если найдется кто-либо более способный и подготовленный в механике, а также более проворный в погоне за практикой посредством одного лишь обращения к опытам, мы ему предоставляем и разрешаем эту деятельность: извлекать, как бы срывая по дороге из нашей истории и таблиц многое, что он сможет приложить к практике, пользуясь как бы процентами, пока не окажется возможным получать самый капитал. Мы же, устремляясь к большему, осуждаем всякую преждевременную задержку в такого рода делах, также как яблоки Аталанты (как мы часто говорим). Мы не хватаем по-детски золотых яблок, но все возлагаем на победу науки в состязании с природой и не спешим снять посев в зеленых всходах, а ждем своевременной жатвы») [18, с. 91], то, когда Г. П. Щедровицкий в конце XX в. говорил о «*непрерывном забеге*», это было уже в полном соответствии с духом нашего времени — «*духом спорта*».

Примечательно, что у Платона в «Государстве» миф об Аталанте — непревзойденной бегунье, которая проиграла Гиппомену лишь из-за того, что отвлекалась, чтобы поднимать золотые яблоки — имел продолжение: «Между тем выпал жребий душе Аталанты: заметив, каким великим почетом пользуется победитель на состязаниях, она не могла устоять и выбрала себе эту участь», то есть воплотилась заново в атлета–бегуна. Другой нюанс связан с сочетанием, которое использовал Ф. Бэкон — “*outstrip nature*”. Слово “*outstrip*” («*обгонять*», «*бежать быстро*») было неологизмом, который появился в английском языке только в 1570-х гг. У. Шекспир использовал это слово в своих пьесах «Ричард III» (1591) «Генрих V» (1599), «Буря» (1610–11) в значениях «*у(из)бежать от смерти*», «*у(из)бежать судьбы на войне*», «*выиграть в добродетелях*».

Ф. Бэкон в «Новом органоне наук» точно обозначил место, где в Новое время рождаются новации: «Вся последовательность и преемственность наук являют образ учителя и слушателя, а не изобретателя и того, кто прибавляет к изобретениям нечто выдающееся. В

механических же искусствах мы наблюдаем противоположное: они, как бы восприняв какое-то живительное дуновение, с каждым днем возрастают и совершенствуются и, являясь у первых своих творцов по большей части грубыми и как бы тяжеловесными и бесформенными, в дальнейшем приобретают все новые достоинства и какое-то изящество, так что *скорее прекратятся и изменятся стремления и желания людей, чем эти искусства дойдут до предела своего совершенствования*. Напротив того, философия и умозрительные науки, подобно изваяниям, встречают преклонение и прославление, но не двигаются вперед. Нередко бывает даже так, что они наиболее сильны у своего основоположника, а затем вырождаются» [18, с. 61].

Примечательны процессы, которые были сопряжены с прогрессом в производственной сфере. Например, установление единых *стандартов*, потребность в которых назрела уже в XIX в. Так в 1901 г. в США было учреждено первое бюро стандартов. В духе стандартов была переосмыслена и организация трудового процесса Ф. Тейлором и его последователями: «Все виды труда подвергались изучению с точки зрения технической и экономической целесообразности, и на этой основе устанавливались нормы затрат рабочего времени и методы труда. На практике это привело к установлению технически необходимых и устранению лишних движений, то есть к их стандартизации, сокращению трудового цикла (времени, затрачиваемого на выполнение одной или нескольких операций) и резкой интенсификации труда. Лишь в 60-е гг. было установлено, что так называемые лишние движения таковыми не являются, что они необходимы, так как помогают организму человека освободиться от чрезмерных нагрузок, вызываемых монотонной работой» [20, с. 255].

Многие усовершенствования (новации) в технической области, соответственно, получили свое наименование. Но гораздо важнее, что когда сейчас эти слова употребляются с негативной коннотацией (например, «штамповать мысли», «штамповать кадры», «школьный конвейер», «винтик в бюрократической машине» и проч.), то за этим стоит факт переноса технологического приема в область душевной и социальной реальности.

Спорт, имеющий прямое отношение к хозяйственно-экономической сфере, с одной стороны, и через нее, с другой стороны, непосредственно уже к научной области, в полной мере подвергся воздействию этой идеи рационализации процессов труда, что на практике означало приведение спортивной практики и того, что называют физическим воспитанием, к *стандартам* (например, правила соревнований, начиная с XIX в.) и *нормам* (например, нормы советского и нынешнего российского комплекса ГТО).

Спорт как новация?

Нарастающее количество проблем и скандалов в сфере спорта приводит к попыткам найти ему оправдание, своего рода спортодицею [21]. Естественно, оправдание спорту пытались придать с самого начала — с того момента, когда он должен был обрести современный статус. Огромную работу здесь проделал П. де Кубертен, апофеозом которой является «Ода спорту». Его ключевая идея — «*современные Олимпийские игры, как основа воспитания молодежи*» — прошла тот путь, который Г. П. Щедровицкий, рефлексирова эволюцию программ исследования мышления в истории Московского методологического кружка, описал следующим образом: «... выработывая какую-то новую программу и при этом соединяя друг с другом разные, часто несовместимые друг с другом идеи и представления, мы создаем некий синкрет, неправильный, противоречивый и с точки зрения традиционных представлений не имеющий права на существование, но коль скоро такой синкрет уже создан, он начинает дальше как-то жить и развиваться, в особенности если его поддерживают достаточно настойчивые и активные люди, которые верят в эту «бредовую»,

неразумную идею и непрерывно развивают и совершенствуют ее» [5, с. 19]. Дальше эта идея приобретает «благопристойность» и включается в культурную традицию.

Дабы спорт получил свое оправдание, он должен иметь характеристики (или быть награжденным ими), которые подтверждают его соответствие научно-техническому прогрессу. В «Оде спорту», в которой П. де Кубертен в очередной раз имитировал древнегреческие мотивы (жанр оды, девять строф — девять муз, молитвенное обращение к божеству «Спорт», написанное с прописной буквы и т.п.), параграф VIII посвящен спорту как прогрессу. Если обратиться к переводу оригинала (Coubertin, de P. *Ode au Sport* / P. de Coubertin. Режим доступа: http://olympic-museum.de/art/ode_au_sport.htm) (а не слишком вольному изложению, известному в нашей стране), то прогресс по П. де Кубертену предполагает:

– дабы все лучше служить (!) спорту, человек должен постоянно совершенствоваться телесно и душевно;

– соблюдать гигиену и воздерживаться от излишеств;

– спорт в качестве прогресса даст человеку мудрые правила, как прилагать максимальные усилия, не вредя своему здоровью.

Данная поэтическая фантазия явно не выдерживает проверку реальностью, поэтому вместо этого бессодержательного текста нужно взять реальное понятие. И в спортивной сфере есть такое понятие, которое точно указывает на следование прогрессу и новациям в их нынешнем понимании. И это понятие — «рекорд».

Обратимся к знаковой книге Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду: Природа современного спорта» [22], опубликованная в 1978 году накануне Олимпиады–80, которая стала последней убыточной олимпиадой. С 1984 г. Олимпийские игры, окончательно манифестируя свою спортивную сущность, становятся успешным экономическим проектом. При всем критическом отношении к методологии подхода А. Гуттмана, его суждениям, тем не менее, нужно признать, что ему удалось ухватить ряд серьезных аспектов рассматриваемой нами проблемы.

Во-первых, название книги точно отражает отрезок пяти тысячелетней истории человечества, где исходная точка — «ритуал», а нынешняя — «рекорд». Мы могли бы об этом сказать несколько иначе: от древних ритуальных телесных практик к спорту (современным Олимпийским играм), где ровно посередине на этом пути находится расцвет древнегреческого Олимпийского агона. Следовательно, мы выделяем не две точки на это временном отрезке, а три, где ритуальные практики и спорт являют собой качественное противостояние, являясь антиподами, а Олимпийский агон — если взять образ лемнискаты, — есть середина, в которой происходит своего рода «выворачивание», метаморфоза одной противоположности в другую. Другими словами, спорт — это вывернутая наизнанку религия.

В высшем своем проявлении древнегреческая агонистика является апогеем телесной культуры, вышедшей из ритуальных традиций, а в своем упадке (в лице профессиональных борцов, панкратиона) она буквально «падает» в древнеримские гладиаторские бои. Конечно, нынешний уровень сознания и права не дает современному спорту полностью «упасть» в гладиатарство, но «бои без правил» или драки во время хоккейного матча, как необходимый атрибут спортивного шоу (зрелище древних римлян), на самом деле, лишь количеством повреждений и погибших уступают происходившему в имперских цирках. В начале XX в. серьезно обсуждался вопрос о запрете в США американского футбола по причине гибели спортсменов во время матчей. Известно высказывание американского президента Теодора Рузвельта в 1905 г. после того, как в одной из газет была опубликована информация о 18 погибших и 159 серьезно раненых спортсменах: «Или футболисты изменят правила, или мы

запретим футбол вообще. Жестокость и нечестная игра должны быть наказуемы. Измените игру или откажитесь от нее». Сейчас накоплен огромный фактический материал о разрушительности спорта и в неконтактных видах, и даже в тех практиках, которые рекламируют, как «оздоровительный спорт» [23].

Таким образом, найдены точные обозначения для разных периодов эволюции человечества, но, так как А. Гуттман в полной мере следует не критической традиции обозначать термином «спорт» телесно-двигательные практики, возникшие тогда, когда никакого спорта не было, то размывается аутентичность Олимпийского агона и существенный аспект перехода от «ритуала к рекорду». Собственно, тогда и *перехода* нет.

Во-вторых, нынешнее наполнение понятия «рекорд», которое первоначально обозначало просто «воспоминание», «воспроизведение», «повторение прежнего, бывшего», которое позднее с XIV в. в английском языке стало подразумевать «письменный отчет о каком-то событии», и которое, наконец, с 1883 г. стало фиксировать «наивысшее достижение в спорте», А. Гуттманом обоснованно увязывается с научно-техническим прогрессом. И хотя, например, другой исследователь спорта, известный немецкий социолог Н. Элиас справедливо считает недостаточной корреляцию между «спортивной революцией» и «научной революцией» для объяснения эффекта «спортизации» [24], тем не менее, сама эта корреляция чрезвычайно важна для понимания феномена спорта. Как, впрочем, и появление понятия «спортизация».

По ходу рассмотрений и для собственной аргументации А. Гуттман вполне уместно ссылается на книгу Дж. Б. Бьюри «Идея прогресса» (1920), где тот показывает, как европейское человечество исторически преодолело иллюзию *завершенности*, характерную для прошлых времен; и как от идеи *Провидения* был сделан шаг к идее *Прогресса* [22]. Но прогресс при этом понимался (как понимается, во многом, и сейчас) на основе переживания технических *достижений*, например, строительства линий железных дорог в Англии, которые существенно «сократили (?) расстояние» между Ливерпулем и Манчестером (на самом деле, сократилось время поездки). Развитие человечества предстало именно как *линейное* развитие, когда достигнутое улучшение (в первую очередь, техническое) может быть улучшено и далее, уходя в линейную бесконечность, как рельсы железной дороги. Прежде чем в 1883 г. был зафиксирован рекорд в спорте, в 1860 г. в американской газете Milwaukee Daily Sentinel можно было прочесть: «Если какой-либо локомотив сможет побить этот рекорд, мы хотели бы иметь об этом сведения» (“If any other locomotive can beat this record we should like to have the particulars”). Олимпийский девиз «Быстрее, выше, сильнее» сначала был фактически девизом технического прогресса.

Свой анализ А. Гуттман также выстраивает линейно, поэтому одна из линий развития человечества — *от ритуала к рекорду* — становится и линией развития спорта. Это означает то, что можно встретить во множестве работ, посвященных спорту — данный феномен относят к первобытным временам, к античности и к средневековью (см. симптоматичные названия некоторых книг и статей: Gardiner E. N. *Greek Athletic Sports and Festivals* (1910); Harris H. A. *Sports in Greece and Rome* (1972); Palmer D., Howell M. L. *Archaeological Evidence of Sports and games in Ancient Crete* (1973); Spears B. A *Perspective of the History of Women's (!) Sport in Ancient Greece* (1984) и др.). Последняя статья выдержана уже в полной мере в духе устанавливающейся на Западе политкорректности. Поэтому именно женщина-автор пишет об «экспансии женского спорта в современную эпоху»; поэтому начала женского спорта нужно искать в Древней Греции в архаическом периоде у мифологических амазонок и проч. [25]. Если E. N. Gardiner в 1910 г. еще перемежает в своем объемном 500-страничном труде слова «атлетика (атлеты)» и «спорт (спортсмены)» [26] в отношении три к одному, то

более современные авторы вообще себя этим не утруждают, отбросив аутентичные древнегреческие понятия.

И далее, следуя логике линейного развития, истоки спорта «должны» обнаружиться у австралопитеков, у животных и, наконец, у первых белковых молекул, которые, «выпрыгнув» из царства *не-живого*, тут же стали бороться друг с другом за выживание. Следовательно, приходим к известной с XIX в. всем мысли: «Жизнь — это борьба, борьба — это жизнь». Отсюда, борьба (спорт) есть двигатель эволюции, источник прогресса [27].

Понятно, что проблема заострена здесь нарочито утрированно. Но истинность той или иной мысли проверяется доведением ее до полного воплощения и соотносением с реальностью. Если убрать у авторов книг о «перво-бытности» (первом бытии) спорта сделанные на всякий случай оговорки (например, что тогда был «как бы не совсем спорт», «как бы не все характеристики можно обнаружить» и проч.), то голая логика такова: борьба–спорт породила человека, поэтому спорт ему присущ онтологически.

Когда А. Гуттман в предисловии приводит цитату философа Макса Шелера (1927): «Вряд ли какой-то общемировой современный феномен заслуживает социологического и психологического изучения в той степени, в какой его заслуживает спорт. Спорт приобрел *неизмеримый* масштаб и социальную значимость, но этому аспекту спорта не уделялось большого внимания» [22, с. 9], то полезно было бы вспомнить слова, произнесенные за четыре десятилетия до этого в 1891 г. русским историком В. О. Ключевским: «Спорт становится любимым предметом размышления и скоро станет *единственным методом мышления*» [28, с. 20]. Как чутко уловил В. О. Ключевский, спорт, выйдя в тот момент из области практической жизни людей, уже в конце XIX в. совершил экспансию мыслительной (максимально приближенной к духовной) сферы. Когда люди стали «спортивно мыслить», тогда спорт в полной мере глобализировался созвучно с экономической глобализацией. Спортивный базис определил и одновременно *о-предел-ил* (наложил пределы, ограничения) мыслительную надстройку.

В конце главы, которая называется, как и вся книга, «От ритуала к рекорду» А. Гуттман после подробного рассмотрения семи характеристик современного спорта приводит обобщающую и сравнительную таблицу «Характерные черты спорта в различное время» [22, с. 103].

Таблица.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СПОРТА В РАЗЛИЧНОЕ ВРЕМЯ [22]

Характерные черты	Первобытное время	Греческая античность	Римская античность	Средние века и раннее Новое время	Новое и новейшее время
Секулярность	±	±	±	±	+
Равенство	–	±	±	–	+
Специализация	–	±	±	–	+
Рационализация	–	+	+	–	+
Бюрократизация	–	+	+	–	+
Подсчеты	–	–	±	–	+
Рекорды	–	–	–	–	+

Как уже говорилось выше, здесь изначально предполагается, что спорт был «всегда». При том, что согласно этой таблице (Таблица), из семи характерных черт спорта в первобытные времена шесть отсутствовали, а секулярность присутствовала только «наполовину» (!).

Во-первых, сначала посмотрим на единственный признак спорта, который был «наполовину» в первобытном обществе (а также, во времена Античности, Средних веков и в начале Нового времени) — секулярность. Когда известный историк Ф. Ф. Зелинский в 1914 г. в своей «Истории античной культуры» писал: «Поразителен при этом чисто *секулярный* характер этой древнейшей греческой медицины, то есть отсутствие всякого магического элемента: на столько ран, упоминаемых в “Илиаде”, ни одного заговора, исключительно рациональные средства лечения ...» [29, с. 40], то это написано в духе более современного нам А. Гуттмана. Но, отсутствие заговоров не означает, что древнегреческая медицина носила секулярный характер. Секулярное вообще не может присутствовать в обществе, которое *насквозь* является религиозным, полностью *пропитано* религиозностью.

Во-вторых, кроме рекордов остальные характеристики требуют серьезного критического анализа, который частично уже был проделан, что при этом не исключает последующих попыток его осуществления. То небольшое, что можно увидеть продуктивного в таблице А. Гуттмана связано с неким подобием ситуации с телесными практиками (мы сознательно здесь не используем понятие «спорт») в Древнем Риме и спортом в новейшее время.

Есть немало интересных исторических консонансов, выступающих симптомами *не-*линейного осуществления истории. Первый — это созвучие между древнегреческой культурой и германской (немецкой). Множество симптомов указывает на это. Например, тот примечательный факт, что и у тех, и у других длительное время не было единого государства. Греки были объединены в результате завоевания сначала Александром Македонским, а затем римлянами. Германия была объединена также военным путем — посредством агрессивной милитаристской политики Пруссии. При том что реальным объединяющим моментом, на самом деле, выступал мощный уровень развития культуры. И греки, и немцы создали философию высочайшего качества. Только в культуре Древней Греции могла родиться идея гармоничного человека, воспитавшего в себе здоровое тело атлета, очищенную катарсисом душу поэта (рапсода), любовь к мудрости и истине, божественный ум философа. Только здесь мог родиться и достичь своего расцвета Олимпийский агон.

Другое историческое созвучие — это Древний Рим и нововременная Англия. На начальном этапе своей истории Рим сотни лет находился как бы на острове — пришлые чужаки в окружении местных аборигенов, этрусков. Для жителя островной Великобритании до сих пор является существенным вопрос своего рода географической самоидентификации — как относится к континентальной Европе (которую они нередко так и называют «континент»). На внешнем плане то и другое государство достигают своего могущества в создании огромных империй — Римской и Британской.

По мере движения Рима к имперскому состоянию телесная прагматичность римлян (работа на земле и уступает место двум типами отношения к телу. Первая — это гедонизм, удовольствие от жизни и жизнь в удовольствии, что в виде философского учения Эпикура приносится Федром в Рим в 88 г. до н. э., то есть в то время, когда римская республика погружается в череду гражданских войн, приведших к установлению императорской власти.

Второй аспект отношения к телу напрямую связан с первым — тела в качестве зрелищ, умерщвляемые тела на арене цирка. Данное настроение точно передается знаменитыми строчками Ювенала из четвертой книги «Сатиры» «Сатира десятая»:

Этот народ уж давно ... все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки,
Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокожно мечтает:
Хлеба и зрелищ!

На латинском языке эта фраза звучит как “*panem et circenses*”, где второе слово происходит от праиндоевропейского *kirǵ-* «поворачивать, закруглять(ся)».

Примечательны здесь два момента. В этой же самой десятой сатире находятся и другие знаменитые строчки Ювенала, обычно приводимые усеченными и вне контекста всего отрывка:

Если ты просишь чего и святилищам жертвы приносишь —
Там потроха, колбасу, что из белой свиньи приготовил, —
Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
Что в состоянии терпеть затруднения какие угодно, —
Духа, не склонного к гневу, к различным страстям, с предпочтением
Тяжких работ Геркулеса, жестоких трудов — упоенно
Чувством любви, и едой, и подушками Сарданапала.
Я указую, что сам себе можешь ты дать; но, конечно,
Лишь добродетель дает нам дорогу к спокойствию жизни.
Нет у богов у тебя, коль есть разум; мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством, помещая в обители неба.

Здесь, с одной стороны, совершенно четко звучит *молитвенное* (а отнюдь не секулярное!) настроение древних обществ. С другой стороны, «здоровый ум» и «здоровое тело» даются не в причинно-следственной связке (как это сейчас принято мыслить: тело → дух), а как две рядом положенные мольбы в достаточно длинном ряду перечислении других обращений.

Это лишь небольшой пример того, как можно и нужно критически подходить к подобного рода суждениям о спорте.

Возвращаясь к понятию и современному феномену «рекорд», нужно заметить, что оно на практике означало изменения и в качественном, и в количественном отношении. Совершенно очевидно, что при фактическом сохранении того и другого, в сознании огромного количества современных людей господствующее положение занимают именно *количественные* показатели. В книге об американской университетской системе — «Университет. Руководство для владельца» — Г. Розовским показана практическая приоритетность измерительных манипуляций, которая создает стойкое переживание вторичности всех ссылок на идеалы. С одной стороны, «Мы совершенно сознательно открыли наши школы влиянию рынка. О положительных результатах уже говорилось. Они отвечают американскому образу жизни. Однако возникают и проблемы» [30, с. 222]. С другой стороны, «При всей моей вере в полезность институциональной конкуренции, мне кажется, что мы слишком озабочены статистикой, измерением и рейтингом... Наше “национальное увлечение” бейсболом ярко свидетельствует об этой склонности. Ни один вид спорта не предусматривает статистического учета ежеминутных действий» [30, с. 221, 321]. Можно почувствовать принципиальную разницу в хронологии (записи) олимпийцев в

Древней Греции и проступающим рекордистским настроением в Древнем Риме в проведении и прославлении гладиаторских боищ [31]. В российской образовательной практике есть свой знаменитый критерий, по которому оценивают работу школ — *качественный* показатель, определяемый как процент (!) учеников, обучающихся только на «хорошо» и «отлично».

Еще раз обратимся к подобию спорта научно-технической деятельности, служащей экономическим интересам: «В спорте сконцентрирована ценностная ориентация постиндустриальной цивилизации на непрерывное обновление. Современный спорт возможен как непрерывное обновление спортивного результата и спортивного зрелища, ровно как в науке это непрерывное обновление знания, в экономике — производство новых товаров и услуг, в повседневной жизни — обновление удовольствий» [32, с. 8].

Спорт в полной мере является порождением Нового времени, и той нации (а не только отдельного человека, как в случае с Леонардо да Винчи, Николаем Коперником или Галилео Галилеем), которая первой в себе обнаружила новые качества (своего рода духовно-душевные новации). Это означает, что спорт содержит все атрибуты нововременной ментальности в контексте новации, которые были описаны выше. Другими словами, спортивная практика как новация обращена к *телесным*, преимущественно *физическим* изменениям в человеке, она носит в своих приоритетах технологический характер, и она должна быть теснейшим образом сопряжена с политическими и экономическими интересами узкой группы населения.

Новации=рекорды в спорте могут быть достигнуты:

- за счет большей тренированности тела;
- за счет применения того, что обозначают понятием «допинг»;
- за счет совершенствования инвентаря и оборудования.

Первая возможность имеет объективные ограничения — при запредельных нагрузках тело просто начинает разрушаться. Поэтому индустрия по производству спортивных рекордов обращается к двум другим возможностям. Изготовление допингов, как и синтетических наркотиков, в полной мере обеспечивается прогрессом высокотехнологических химической и фармакологической промышленности. Интеллектуальные гении и интеллектуальные техники здесь столь же успешны, как и в других высокотехнологических областях современного производства.

Но если вопрос допингов еще «отягощен» моральным осуждением (хотя вопрос об их легализации, как и легализации так называемых «легких» наркотиков, активно лоббируется в разных странах различными структурами), то возможность побития рекордов за счет совершенствования инвентаря и оборудования находится, практически, вне серьезной критики. Здесь также случаются скандалы (например, со знаменитыми плавательными костюмами из полиуретана), но, в целом, настрой чрезвычайно позитивный. «Умными» сейчас являются не только дома для обыденной жизни, но «умнеет», интеллектуализируется технология спортивной индустрии.

Для примера последние новации в технологическом обеспечении тренировок в футболе:

miCoachSmartBall — «умный» футбольный мяч

Уже несколько лет существует футбольный мяч, который в автоматическом режиме определяет, пересек он линию ворот или нет. *miCoachSmartBall* от Adidas умеет куда больше. Он может выступить в качестве личного тренера для футболиста, помогая тому отточить мастерство по нанесению разнообразных ударов (пенальти, штрафной, на дальность, угловой и т. д.).

AdidasMiCoachElite и MLS: умный взгляд на футбол

Не так давно компания Adidas запустила технологию цифрового тренера под названием MiCoach. К этим ее начинаниям присоединилась главная футбольная лига США — MLS, которая решила оснастить каждого игрока и тренера в каждой из девятнадцати команд комплектом девайсов, контролирующих его физическое состояние во время матчей и тренировок (Спорт высоких инноваций. Топ-10 лучших примеров слияния спорта и технологий. Режим доступа: <http://www.novate.ru/blogs/140813/23740>).

Тем не менее, человеческое тело пока по-прежнему является объектом тренировки. Английское “*train*” означает «рисовать, тянуть, протягивать» и с 1816 г. это слово впервые применяется как название поезда — того, что движется вперед благодаря механической тяге. А с 1832 г. понятие “*train*” также становится привычной *тренировкой* в значении упражнения, в том числе, и в спорте.

В спортивной практике рекорды, достигаемые большей тренированностью тела, подводят к необходимости понимания того, что происходит с телом. Имеем ли мы здесь дело с новацией?

Новое — не в количественном, а в качественном отношении — всегда есть преодоление некой границы, предела, своего рода скачок (немецкое «швунг») из одного феноменального состояния в другое. Увеличение нагрузок приводит к расширению физиологических границ, и нужно понимать тот факт, что физиология тела спортсмена при предельных нагрузках — это «физиология» мертвого тела. Парадоксальность ситуации отражена в кавычках, в которые мы должны поставить слово «физиология». При тех параметрах, которые наблюдают ученые во время тренировок или спортивного соревновательного действия, обычный человек бы умер. Другими словами, здесь человек подходит к порогу между жизнью и смертью, который в медицинской практике описывается, как *агония*.

Древнегреческий *агон*, вся практика агонистики были связаны с одним из ключевых представлений древнего мира — представлением о пороге, о переходе из материального мира в духовный, который обозначается словом «смерть» [33]. Прохождение через порог внутри телесного опыта означает одновременно прохождение через боль. Феномен боли последнее время интенсивно исследуется в разных научных направлениях. Нас здесь интересует тот аспект, где боль нас подводит к сути человеческого существа. Г. Р. Хайдарова в своем исследовании «Феномен боли в культуре», рассматривая аспект сочувствия к боли в современной медиакультуре, делает важную ремарку: «В принципе, парадоксом является столкновение современного лозунга «жизнь без боли» с известным науке фактом о неспособности выжить уникам, лишенным от рождения боли» [34, с. 182].

Лишь человек включает боль в свое индивидуальное развитие. Поэтому обращаясь к индивидуальному опыту спортсменов, можно обнаружить высокое качество проявления человеческого духа, которое в полной мере отвечает характеристикам и задачам современной эпохи — бодрствующее сознание и способность самостоятельно мыслить. Но есть гораздо больше примеров, когда опыт приведения тела на грань жизни и смерти при выполнении предельных нагрузок и показа максимально возможных результатов не возвышает спортсмена в его индивидуальном развитии, а приводит к личностному регрессу и, если он становится тренером, воспроизводству практики экономической эксплуатации тела с использованием допинговых и технологических новаций. «Не случайно поэтому кризис техногенного общества и вызванная этим переоценка ценностей (самодостаточность и первенство новаций уже под большим социальным вопросом!) соответствующим образом репрезентируются в спорте. Проблема технологической свободы человека как бытийного и антропологического основания новации, находящая свое решение в социальных самоограничениях (предельность ресурсов, экоограничения на производство, запрет на

разработку новых видов оружия массового уничтожения, борьба с наркоманией как с “беспредельным” удовольствием) в олимпийской антропологии может быть зафиксирована в качестве проблемы пределов спорта как универсального антропологического инструментария реализации олимпийских идеалов» [21, с. 273]. По сути, гонка за рекордами — есть бессмысленная псевдоновация, одобренная идеей гуманизации. Сдобренная — то есть обернутая в обертку абстрактного добра, ибо быть сейчас негуманным нельзя, не политкорректно.

Таким образом, мы видим, что происходящее в спорте, обозначаемое как инновационная деятельность, несет в себе те же самые проблемы, связанные с естественнонаучным подходом к жизни, что и другие человеческие практики. Если первоначально в XIX в. преобладал подход, рассматривающий тело спортсмена (или вообще человека, занимающегося «физической культурой», т. к. это понятие уже постепенно входило в научный и повседневный обиход), как *машину*, *механическое* устройство, и, соответственно, физическая подготовка описывалась в терминах механики, то на рубеже XIX–XX вв. ситуация изменилась. Стал применяться более высокий уровень описания происходящего в теле, который требовал уже энергетических терминов. В масштабном исследовании «История тела» авторы обращают внимание на то, что в конце XIX в. образ «спортсмена» (культивируемый в Англии) побеждает образ «гимнаста» (созданный в Пруссии и первоначально поддерживаемый во Франции), так как первый подразумевает энергетическую концепцию тела (можно сказать, динамическую или силовую) в отличие от механической [35]. П. де Кубертен постоянно взывал об энергии молодых тел, об абсолютной ценности ювенильности и т. п. (Кубертен П. де Олимпийские мемуары. М.: Рид Групп, 2011. 176 с.).

Собственно говоря, и сейчас энергетическо–механистический подход к телу господствует в том, что называют «спортивной наукой». Понимание энергетических процессов не дотянуло до уровня жизненной энергии «ци», как одного из ключевых представлений в китайском мировоззрении, а закономерно редуцировалось до механико–арифметического подсчета килокалорий на входе и выходе. При том, что уже несколько десятилетий назад было показано, что начальная теоретическая посылка является легко уязвимой даже для элементарной научной критики, а практическое значение подсчета килокалорий в спортивной практике или в рекомендациях диетологов является совершенно бессмысленной в силу прямого нулевого эффекта. Имеющиеся же эффекты объясняются сейчас исследователями произошедшей сменой образа жизни человека, его волевыми усилиями, психологическим настроением и т. п.

Конечно, были и есть попытки в спорте усиливать «внутреннего человека». Достаточно напомнить о применении аутогенной, идеомоторной, психорегулирующей и прочее тренировок [36] вплоть до так называемой «трансцендентальной медитации» на Западе (особенно в США) [37]. Но, когда мы читаем подобный анонс — “*Transcendental Meditation is a simple, natural, mental technique practised for 20 minutes morning and evening while sitting comfortably in a chair with the eyes closed*”, — где ключевые слова «простая, естественная, комфортно с закрытыми глазами», то становится понятно, что речь идет о технике расслабления, а не о том, что подразумевалось под понятием «медитация» («углубленное, концентрированное размышление») в средневековой практике духовного совершенствования [7].

Что есть новация по отношению к телесности человека?

Спорт и физическая культура уже выпали из эволюционного потока, который носит действительно прогрессивный характер. Со спортом это произошло в силу рассмотренных

выше причин. «Физическая культура» и «физическое воспитание» («физкультурное образование», «физическое образование», «физическая подготовка» и другие подобные термины) были «утянуты вниз» в силу присвоения понятиям «культура» и «воспитание» предиката «физический» (подробнее об этой проблеме см.: [38–40]).

Понятие и содержательное наполнение «спортивной педагогики» П. де Кубертена (Кубертен П. де Олимпийские мемуары. М.: Рид Групп, 2011. 176 с.), «олимпийской педагогики» [41], «олимпийского образования» [42] вступает в сущностное противоречие с действительно педагогическими целями и задачами (см. подробнее: [18]).

Чтобы встроиться в эволюционный процесс телесным практикам нужно изменить как свое содержание, так и понятийную парадигму. Необходимо научно проработать понятия «телесность», «телесная культура», «телесное воспитание», что требует преодоления только естественнонаучного подхода к пониманию человека и процесса его воспитания. Другими словами, новации в «телесном воспитании», как и в образовании вообще, должны иницироваться из области духовной жизни человеческого общества, а не задаваться и регламентироваться экономическими и политическими интересами.

Список литературы:

1. Эверетт Л. Д. Не спи - кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. 384 с.
2. Старр С. Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альбина Паблишер, 2017. 574 с.
3. Тихомиров Л. Христианство и политика. Калуга: Облиздат, ТОО «Алир», 2002. 616 с.
4. Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 576 с.
5. Щедровицкий Г. П. Эволюция программ исследования мышления в истории ММК // Мышление - Понимание - Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С.11-43.
6. Пегов В. А. От «педагогики греха и покаяния» к «педагогике преобразования (метаморфозы)» // Известия Смоленского государственного университета. 2017. №1 (37). С. 204-212.
7. Сент-Викторский Г. Дидаскаликон. Об искусстве обучения. М.; СПб.: Петроглиф, 2016. 336 с.
8. Литвинова Е. Ф. Жан Антуан Кондорсе. Его жизнь и научно-политическая деятельность. М.: ЛитРес, 2000. 164 с.
9. Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого. М.: Соцэкгиз, 1936. 266 с.
10. Лисович И. И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 440 с.
11. Винчи да Л. Избранные произведения. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 415 с.
12. Свасьян К. А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002. 438 с.
13. Рац М. В., Ойзерман М. Т. Размышления об инновациях // Вопросы методологии. 1991. №1. С.8-19.
14. Штайнер Р. Философия свободы. Основные черты современного мировоззрения. Плоды душевных наблюдений по естественнонаучному методу. Калуга: Духовное познание, 1994. 256 с.
15. Штайнер, Р. Природа и человек в духовнонаучном рассмотрении. М.: Evidentis, 2005. 176 с.

16. Штейнер Р. Духовнонаучные импульсы к развитию физики. М.: Новалис, 2005. 272 с.
17. Штайнер Р. Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования. М.: Титурель, 2006. 160 с.
18. Бэкон Ф. Новый органон наук. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. 352 с.
19. Бэкон Ф. Новая Атлантида; Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 238 с.
20. Кавтарадзе Г. А. История экономического развития Запада: учеб. пособие. М.: Энигма, 2005. 334 с.
21. Егоров А. Г. Олимпийское движение и социокультурные процессы в современной России // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 3. М., 1997. С. 264-286.
22. Гуттман А. От ритуала к рекорду: Природа современного спорта. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 304 с.
23. Баррер С. Осторожно спорт! О вреде бега, фитнеса и других физических нагрузок. М.: Альбина Паблишер, 2015. 230 с.
24. Sport Histories Figurational studies of the development of modern sports / edited by E. Dunning, D. Malcolm, I. Waddington. London: Routledge 11 New Fetter Lane, 2004. 14 p.
25. Spears B. A Perspective of the History of Women's Sport in Ancient Greece // Journal of Sport History. 1984. V. 11. №2. P. 32-47.
26. Gardiner, E. N. Greek Athletic Sports and Festivals. London: Macmillan and Co. limited. St. Martin's street, 1910. 536 p.
27. Dunning E., Sheard K. Barbarians, Gentlemen and Players: a Sociological Study of the Development of Rugby Football. New York: New York University Press, 1979. 321 p.
28. Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории. М.: Эксмо, 2007. 479 с.
29. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. СПб.: Марс, 1995. 380 с.
30. Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 328 с.
31. Горончаровский В. Римские гладиаторы. Жизнь на грани смерти. М.: Ломоносов, 2015. 200 с.
32. Егоров А. Г., Захаров М. А. ФэйрПлэй в современном спорте. Смоленск, 2006. 186 с.
33. Рекутина Н. В. Агонистика и гимнастика в системе культуры Античной Греции: дисс. ... д-ра. пед. наук. Омск, 2006. 471 с.
34. Хайдарова Г. Р. Феномен боли в культуре. СПб: РХГА, 2013. 317 с.
35. История тела: В 3 т. / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2014-2016.
36. Сопов В. Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте: Методическое пособие. М., 2010. 115 с.
37. Orme-Johnson, D. Summary of Scientific Research on Maharishi's Transcendental Meditation and TM-Sidhi Program // Modern Science and Vedic Science. 1995. V. 6. №1. P. 60-155.
38. Егоров А. Г., Пегов В. А. От физического - к телесному // I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания»: материалы. М.: РГУФКСМиТ, 2016. С.197-206.
39. Пегов В. А. Спорт и педагогика // Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию журнала «Теория и практика физической культуры» «Спортивная наука России: состояние и перспективы развития» (3-5 декабря 2015 г):

материалы / под ред. Л. И. Лубышевой, С. Н. Литвиненко. М.: РГУФКСМиТ, 2015. С. 290-295.

40. Пегов В. А. Проблема телесности в современном образовании // Известия Смоленского государственного университета. 2016. №2 (34). С. 238-249.

41. Исаев А. А. Олимпийская педагогика: опыт моделирования психолого-педагогических технологий детско-юношеского спорта. М.: ФиС, 1998. 240 с.

42. Столяров В. И. Олимпийское образование и спартианская система воспитания // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 6. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. С. 71-233.

References:

1. Everett, L. D. (2016). *Ne spi - krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Moscow, YASK, 384. (in Russian)

2. Starr, S. F. (2017). *Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoi vek Centralnoi Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana*. Moscow, Albina Publisher, 574. (in Russian)

3. Tikhomirov, L. (2002). *Khristianstvo i politika*. Kaluga, Oblizdat, TOO Alir, 616. (in Russian)

4. Ern V. F. (1991). *Sochineniya*. Moscow, Pravda, 1991. 576. (in Russian)

5. Shchedrovitskii, G. P. (2005). *Evolyutsiya programm issledovaniya myshleniya v istorii MMK. Myshlenie - Ponimanie - Refleksiya*. Moscow, Nasledie MMK, 11-43. (in Russian)

6. Pegov, V. A. (2017). *Ot "pedagogiki grekha i pokayaniya" k "pedagogike preobrazovaniya (metamorfozy)"*. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 204-212. (in Russian)

7. Sent-Viktorskii, G. (2016). *Didaskalikon. Ob iskusstve obucheniya*. Moscow, St. Petersburg, Petroglif, 336. (in Russian)

8. Litvinova, E. F. (2000). *Zhan Antuan Kondorse. Yego zhizn i nauchno-politicheskaya deyatel'nost*. Moscow, LitRes, 164. (in Russian)

9. Kondorse, Zh. A. (1936). *Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo*. M.: Sotsekgiz, 266. (in Russian)

10. Lisovich, I. I. (2015). *Skalpel razuma i krylya voobrazheniya: Nauchnye diskursy v angliiskoi kulture rannego Novogo vremeni*. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 440. (in Russian)

11. Vinchi da, L. (1999). *Izbrannye proizvedeniya*. St. Petersburg, Neva; Moscow, OLMA-PRESS, 415. (in Russian)

12. Svasyan, K. A. (2002). *Stanovlenie evropeiskoi nauki*. Moscow, Evidentis, 438. (in Russian)

13. Rats, M. V., & Oizerman, M. T. (1991). *Razmyshleniya ob innovatsiyakh. Voprosy metodologii*, (1), 8-19. (in Russian)

14. Shtainer, R. (1994). *Filosofiya svobody. Osnovnye cherty sovremennogo mirovozzreniya. Plody dushevnykh nablyudenii po estestvennonauchnomu методу*. Kaluga, Dukhovnoe poznanie, 256. (in Russian)

15. Shtainer, R. (2005). *Priroda i chelovek v dukhovnonauchnom rassmotrenii*. Moscow, Evidentis, 176. (in Russian)

16. Shtainer, R. (2005). *Dukhovnonauchnye impulsy k razvitiyu fiziki*. Moscow, Novalis, 272. (in Russian)

17. Shtainer, R. (2006). *Nablyudenie prirody, eksperiment, matematika i stupeni poznaniya dukhovnogo issledovaniya*. Moscow, Titurel, 160. (in Russian)

18. Bekon, F. (2015). *Novyi organon nauk*. Moscow, Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya", 352. (in Russian)

19. Bekon, F. (1962). *Novaya Atlantida; Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie*. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 238. (in Russian)
20. Kavtaradze, G. A. (2005). *Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Zapada: ucheb. posobie*. Moscow, Enigma, 334. (in Russian)
21. Egorov, A. G. (1997). *Olimpiiskoe dvizhenie i sotsiokulturnye protsessy v sovremennoi Rossii. Sport, dukhovnye tsennosti, kultura. Vyp. 3*. Moscow, 264-286. (in Russian)
22. Guttman, A. (2016). *Ot rituala k rekordu: Priroda sovremennogo sporta*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 304. (in Russian)
23. Barrer, S. (2015). *Ostorozhno sport! O vrede bega, fitnesa i drugih fizicheskikh nagruzok*. Moscow, Albina Publisher, 230. (in Russian)
24. Dunning, E., Malcolm, D. & Waddington, I. (eds). (2004). *Sport Histories Figurational studies of the development of modern sports*. London, Routledge 11 New Fetter Lane, 14
25. Spears, B. (Summer, 1984). *A Perspective of the History of Women's Sport in Ancient Greece*. *Journal of Sport History*, 11, (2), 32-47.
26. Gardiner, E. N. (1910). *Greek Athletic Sports and Festivals*. London, Macmillan and Co. limited. St. Martin's street, 536
27. Dunning, E., & Sheard, K. (1979). *Barbarians, Gentlemen and Players: a Sociological Study of the Development of Rugby Football*. New York, New York University Press, 321
28. Klyuchevskii, V. O. (2007). *Aforizmy i mysli ob istorii*. Moscow, Eksmo, 479. (in Russian)
29. Zelinskii F. F. (1995). *Istoriya antichnoi kultury*. St. Petersburg, Mars, 380. (in Russian)
30. Rozovski, G. (2015). *Universitet. Rukovodstvo dlya vladeltsa*. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 328. (in Russian)
31. Goroncharovskii, V. (2015). *Rimskie gladiatory. Zhizn na grani smerti*. Moscow, Lomonosov, 200. (in Russian)
32. Egorov, A. G., & Zaharov, M. A. (2006). *FeirPlei v sovremennom sporte*. Smolensk, 186. (in Russian)
33. Rekutina, N. V. (2006). *Agonistika i gimnastika v sisteme kultury Antichnoi Gretsii: Dr. diss.* Omsk, 471. (in Russian)
34. Khaidarova, G. R. (2013). *Fenomen boli v kulture*. St. Petersburg, RHGA, 317. (in Russian)
35. Korben, A., Kurtin, Zh.-Zh., & Vigarello, Zh. (eds). (2014-2016). *Istoriya tela: in 3 v.* Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. (in Russian)
36. Sopov, V. F. (2010). *Teoriya i metodika psikhologicheskoi podgotovki v sovremennom sporte: metodicheskoe posobie*. Moscow, 115. (in Russian)
37. Orme-Johnson, D. (1995). *Summary of Scientific Research on Maharishi's Transcendental Meditation and TM-Sidhi Program*. *Modern Science and Vedic Science*, 6, (1), 60-155
38. Egorov, A. G., & Pegov, V. A. (2016). *Ot fizicheskogo - k telesnomu. I Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem "Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere sporta i fizicheskogo vospitaniya": materials*. Moscow, RGUFKSMiT, 197-206. (in Russian)
39. Pegov, V. A. (2015). *Sport i pedagogika. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu zhurnala "Teoriya i praktika fizicheskoi kultury" "Sportivnaya nauka Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya" (3-5 dekabrya 2015 g): materials*. *Pod red. L. I. Lubyshvoi, S. N. Litvinenko*. Moscow, RGUFKSMiT, 290-295. (in Russian)
40. Pegov, V. A. (2016). *Problema telesnosti v sovremennom obrazovanii. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 238-249. (in Russian)

41. Isaev, A. A. (1998). Olimpiiskaya pedagogika: opyt modelirovaniya psihologo-pedagogicheskikh tekhnologii detsko-yunosheskogo sporta. Moscow, FiS, 240. (in Russian)
42. Stolyarov, V. I. (1998). Olimpiiskoe obrazovanie i spartianskaya sistema vospitaniya. Sport, dukhovnye tsennosti, kultura. Vyp. 6. Moscow, Gumanitarnyi Tsentr “SpArt” RGAFK, 71-233. (in Russian)

*Работа поступила
в редакцию 31.10.2017 г.*

*Принята к публикации
03.11.2017 г.*

Ссылка для цитирования:

Егоров А. Г., Пегов В. А. Спорт в контексте новаций // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №12 (25). С. 377-399. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/egorov-pegov> (дата обращения 15.12.2017).

Cite as (APA):

Egorov, A., & Pegov, V. (2017). Sport in the context of innovations. *Bulletin of Science and Practice*, (12), 377-399